

XXV

НИК
ПЕРУМОВ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П26

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрации на суперобложке и переплете
Владимира Бондаря

Иллюстрации в тексте
Владислава Зальцера, Олега Щербакова

Перумов, Ник.

П26 Небо Валинора. Книга первая. Адамант Хенны / Ник Перумов. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с. : илл.

ISBN 978-5-04-099410-6

Спустя триста лет после Войны за Кольцо и десять лет после нашествия Олмера Великого в Средиземье вновь разгорается война.

Война ради войны, кровь ради крови, армии выдвигаются одна за другой, все ополчаются против всех.

Хоббит Фолко Брендибэк — один из немногих, кто чувствует в этом отголосок грядущего конца мира. И он единственный, кто связывает новую войну с загадочным Светом, воссиявшим на юге.

Никто пока ещё не знает, ни что представляет собой этот Свет, ни кто направляет его, ни откуда он взялся.

Фолко и его друзьям-гномам и предстоит это выяснить, чтобы предотвратить наступление Последней Битвы.

В общую картину вносят своё и маги скрытого Срединного Княжества, и воин Санделло, владеющий древним мечом, и девять Назгулов, и даже загадочный Синий Туман.

И в конце, как во всех историях о Средиземье, окажется, что дорога привела Фолко вовсе не туда, куда он рассчитывал, когда ступил на неё...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099410-6

© Перумов Н., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Сноп огня в кулаке эта жизнь нажила,
Возжелавшая боли и брани,
И горят вдалеке полевые костры,
И остры алмазны грани.

Пролог

*Где-то на берегах Минхириата,
начало лета 1722 года
по летоисчислению Хоббитании*

Человек лежал на спине, лежал в мелкой воде, где песчаный пляж лениво лизали языки прибоя. Волны набегали на тело, толкали в плечо, словно забияки: уходи отсюда, уходи, ты не наш, тебе место на суше!

Грудь лежавшего медленно вздымалась и опускалась, тело — сухое и жилистое — облепляли мокрые холщовые рубаха и порты. Ноги босы, пояса нет. Лицо — бледное, со впалыми щеками и твёрдым, решительным подбородком — от уха до уха заросло седой бородой, хотя человек отнюдь не выглядел стариком.

Он лежал в прибое и дышал — хрипло, с присвистом. Глаза оставались закрыты.

Откуда он тут взялся — выплыл сам? Но места вокруг пустынные, доставшийся племени ховраров Минхириат — да и более южный Энедвейт — до сих пор заселены скудно и редко. Скорее всего, свалился за борт с проходящего корабля — они-то здесь плавают довольно часто, направляясь из Серых Гаваней к устью Андуина и дальше на юг, в ближний Харад.

Свалился за борт и каким-то чудом добрался до берега, да, не иначе. Не сам же Оссё его сюда вынес!

Наконец лежавший зашевелился. Медленно перевернулся, опёрся на локти, откашлялся трудно и силно. Кое-как поднялся, пошатываясь, повернулся к морю.

Гладь спокойна, плывут вдалеке облачка. В Минхириате начало лета, благодатное время. Далеко ещё до сезона бурь, а весенние грозы только недавно отгремели. Чиста водная гладь, чиста небесная лазурь, лишь мелькают над волнами чайки да у самого берега плещется какая-то рыба мелочь.

Человек глядел на море, по-прежнему тяжело дыша. В глазах застыло недоумение, словно он не мог понять, каким образом тут очутился и кто такой он сам.

Внезапно ясный горизонт искривился — море тяжело вздохнуло и взбугрилось гигантской прозрачно-зелёной волной. Человек, оцепенев, смотрел, как от берега отхлынула вода, как навстречу ему, не торопясь, катится пронизанная солнцем толща, увенчанная плюмажем белой пены, словно воин в полном облачении. Ветер начал стремительно крепчать, серые грозовые облака возникали в зените словно из ниоткуда.

Человек попятился, затем, спотыкаясь, побежал и остановился, только вскарабкавшись на невысокий, поросший травой прибрежный откос.

Оглянувшись — но море, потеряв его, словно потеряло к нему всякий интерес. Водяная стена, надвигавшаяся на землю, расточилась так же внезапно, как и возникла, и побежала на берег обычной шипучей волной. Ураганный ветер утих, сменившись обычным бризом, и солнце как ни в чём не бывало пускало по воде ослепительные блики.

Человек наморщил лоб, потряс головой, словно силясь понять, не привиделось ли ему это всё — и, наконец, раздражённо махнув рукой, побрёл прочь от моря, туда, где вилась едва заметная тропка.

*Цитадель Олмера, июнь 1732 года,
десять лет спустя*

Тьма катилась с востока, с востока, с востока. Вечер вступал в свои права, по всей Цитадели вспыхивали огни. За десять лет, что минули со времён падения Олме-

ра Великого, тут многое изменилось. Пролегли дороги, встали городки, разбежались от них мелкие деревеньки. Лихой народ по-прежнему обретался в этих краях, но набеги сделались редкостью. Не на кого тут стало особенно нападать — истерлинги, как и множество иных племён, поменьше, ушли на запад, да так и осели там, на новых землях, захватив немалую добычу.

Горбун Санделло, правая рука Олмера Великого, сидел у огня в молчании. Из дикого камня сложено подобие очага — на свежем воздухе, как он привык, подле его одинокого и пустого дома. Чёрные одежды, скрип кожаных ремней, привычная тяжесть доспеха. На коленях — слегка изогнутый воронёный меч-симитар с расширенным концом, вдоль обуха тянется ряд колец, продетых в отверстия, что пробиты прямо в стали.

Рука, сухая и морщинистая, стискивала нечто, висящее на шее горбуна, на прочной стальной цепочке. Глаза Санделло были закрыты плотно-плотно, вокруг них собрались многочисленные морщины. Казалось, он вообще не дышит.

Пальцы, обхватившие загадочное нечто, слегка подрагивали.

Наконец горбун с шипением выдохнул, с явным усилием разжал пальцы. Осторожно снял цепочку — на ладонь ему легло кольцо тусклого жёлтого металла.

— Ты не обманываешь? — скрипучим шёпотом проговорил он, глядя на кольцо так, словно ожидал ответа.

Жёлтый ободок лежал на его руке, недвижимый, мёртвый.

Горбун ниже нагнул голову, тяжело задышал.

— Будь ты проклят, если обманул, — прошипел он. — *Globatub lat, urkat!*

Кольцо, конечно же, ничего не ответило.

Однако сам Санделло, поднявшись, решительно повесил цепочку обратно на шею и зашагал к коновязи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

*Хорнбург, Роханская марка,
12 июня 1732 года*

Что может быть лучше дороги домой? Предвкушения отдыха и долгожданного веселья? Что может быть прекраснее снежных громад Мглистого хребта, поднимающихся по левую руку, и закованных во льды пиков Белых Гор — по правую?

Ты выдержал, ты выжил, и не просто выжил — ты победил!

Привольные степи, что остались позади, щедро политы кровью. Там кипели жестокие схватки — дунландцы и хазги не сдавались и не бежали, и принуждали держаться ховваров, которые в иное время были б не прочь встать под твёрдую руку молодого короля Эодрейда.

Но теперь всё позади, и войско вставало на отдых в Хелмском ущелье. Всего два года минуло, как Рохан вернулся сюда: молодой король Эодрейд отчаянным натиском взял главный оплот закрепившихся в Вестфолде ховваров.

Штурм тогда был тяжёлым, страшным, кровавым; ховвары знали, что пощады не будет, и отбивались отчаянно. Обещаниям Эодрейда, что из крепости выпустят всех сложивших оружие, не поверили. И если бы не помощь гномов, что вновь, во исполнение давней клятвы, прошли тайными подземными тропами и ударили в спину защитникам крепости, — Хорнбург бы устоял.

После победы Эодрейд опустошил казну, остатками золота купив искусство Подгорного Племени; гномы твёрдо держались данных клятв, но задаром свои умения не отдавали. Для них это было оскорблением, и по всему Рохану собирали тогда уцелевшее золото и серебро, зарытое ещё перед вторжением Олмера. Всё пошло в ход, девичьи серёжки и вдовьи кольца, случайно уцелевшие фибулы от плащей, нарядное оружие...

Гномы приняли плату. Их лица были мрачны, но непреклонны. Они взяли золото, но сделали вдвое больше того, на что подражались, за пару лет превратив цитадель Хелма в неприступную твердыню.

Отсюда начался роханский натиск на запад. Обратное, на земли, утраченные в великой войне, когда и самого Рохана-то не стало.

Возвращаем своё, говорил король, и за ним повторяли все, от Маршалов до последних обозников. И за ним шли.

Два года назад войско Эодрейда дошло до Исены, кровью прочертив там закатный рубеж возрождённой Марки, а теперь граница отодвинулась ещё дальше в степи, на три дня доброй скачки, как записано было в грамотах «вечного мира» с хазгами, ховрарами и дунландцами.

Войско вернулось с победой. Так выкликают глашатаи, так провозглашают королевские указы. И потому сегодня праздник. Полки вернулись!..

Встречать войско вышел, почитай, весь Вестфолд, все, кто остался за чертой Сбора. Женщины, старики да ребятишки — мужчин забрала война, а мальчишки-подростки несли охранную службу на границах.

Несмотря на военное лихолетье, встречу воинам подготовили пышную — на зелёном ковре долины ждали накрытые столы. Старики качали головами — мол, не те яства, что раньше, совсем не те; угнаны стада, вырублены сады, люди едва-едва перестали голодать.

Исенская Дуга унесла цвет роханского воинства. Ховары разграбили Эдорас, страна лежала в развалинах. Даже Гондору та война обошлась дешевле, чем полностью попавшему под власть чужеземцев Рохану.

Но сегодня армия возвращалась с успехом, роханские полки один за другим входили в крепость, и воины со смутным сердцем глядели на выставленное угощение — они-то знали, чего стоило его собрать.

— Где Холбутла? Скажи мне, скажи, когда он будет! — теребила старшую сестру совсем юная девушка-подросток лет четырнадцати, с длинной золотистой косой. — Скажи, ну скажи, а?!

— Да зачем тебе? — поджала губы та. — Придумаешь тоже! Он на тебя и смотреть-то не станет! Даром ты по нему сохнешь, глупая!

Вокруг засмеялись.

— Сохнешь? Вот так прямо и сохнешь? — раздалось с разных сторон.

— От глупой слышу! Знаю, Фалда своего ждёшь не дождёшься! Что, самой не терпится?.. — тотчас огрызнулась младшая. — А мне уже про мастера Холбутлу и спросить нельзя!

Смех усиливался.

— Ишь какая бойкая! самого маленького выбирает! Чтоб, значит, удобнее было... — послышалось двусмысленное хихиканье. — А не рано ли тебе, красотка? Подросла бы сначала, а?

— Маленького выбирает, да удаленького! — ухмыльнувшись, прошамкал беззубый дед. Spина у него изрядно согнулась, а вот многочисленные шрамы на лице заработаны были явно не в молодости — как и почти все мужчины Рохана, он стоял в своё время на Исенской Дуге. — Он у короля Эодрейда мало не лучший!

— Вот и я говорю, — подхватила какая-то женщина, — Эовин у нас всё о героях мечтает!

Кругом стоял хохот, но смутить девушку оказалось не так-то просто.

— О ком хочу, о том и мечтаю, и разрешения спрашивать не стану! — сердито выпалила она, откидывая назад тяжёлую косу. — А мастер Холбутла и вправду герой, то все знают! Он и на Исенской Дуге отличился, и в Эдорас первым ворвался!

— Ворвался, ворвался, — кивнул согбенный старик. — Непомерной храбрости, что и говорить! Откуда только берётся?.. Глянешь — вроде одним взмахом зашибить можно! Ан не тут-то и было...

— А ещё говорят, у сородичей его, которых гондорцы «половинчиками» зовут, своё волшебство имеется, — затараторила женщина. — Говорят, исчезать они могут, а ещё и такое заклятье знают, что стрелы у них завсегда в цель летят!

— Будет языком-то молоть! — неодобрительно покачал головой дед. — Тоже выдумала — волшебство! Разговоры такие пошли, потому как лучше мастера Холбутлы и впрямь никто стрелу не бросит, так то не чудо, а умение!.. Э... э, погодите, балаболки! Эовин! Ты спрашивала — вот он, твой Холбутла!

В широко распахнутые ворота Хорнбурга бравым шагом входил полк пеших лучников. Люди зашептались — глашатаи кричали о победе, но, видать, далась она дорогой ценой, стрелков осталось лишь около четырёх сотен из начальных семи. Шли они тем не менее бодро, а впереди всех нешироко, но быстро шагал низкорослый командир. Несмотря на жару, он не расстался ни со шлемом, ни с доспехами — словно бы и сейчас готов был к бою. На широком поясе воина висел недлинный меч, по обычным людским меркам — кинжал, лишь более широкий и толстый. За спиной — колчан и странный, белого цвета лук. Оружие это уже успело прославиться от Пригорья до Исены, от Эдораса до Мордора — знаменитый лук

мастера Холбутлы, из которого он, по слухам, попадал в брошенную высоко вверх монету или пробивал глаз летящей вдалеке птице.

За командиром двигались шеренги воинов — по шести в ряд. Полк снискал большую славу: 16 мая, в первом большом бою с ополчением хеггов, обитателей энедвейтских побережий, его стрелки мигом расстроили и обратили в бегство едва выстроившуюся вражью пехоту; а на следующий день не дали защитникам Тарбада даже появиться меж зубцов высоких стен, и армия Рохана с налёту взяла крепость, важнейший южный оплот угнездившихся в Арноре истерлингов. Воздух наполнила колючая свистящая туча, и всякий, кто смел высунуться из бойницы, тут же оказывался утыкан светлыми деревянными древками. Казалось невозможным, что смертные, не эльфы, могут стрелять так быстро и метко, но мастер Холбутла не даром ел свой хлеб и гонял новобранцев до седьмого пота.

Несколько дней спустя, в тяжёлой Тарбадской битве, когда с севера подоспели истерлингские подкрепления вкупе с хазгами и ополчениями Минхириата, когда удача отвернулась от Эодрейда, полк мастера Холбутлы упёрся насмерть, перекрыв дорогу уже набравшей разбег вражьей коннице, и продержался до тех пор, пока не подошел хирд Дори Славного. Полк стоял по колено в крови, а перед его строем громоздился скользкий вал из конских и человеческих тел, утыканный длинными серооперёнными стрелами. В Рохане умели помнить доблесть — так же, как и трусость.

Полк мастера Холбутлы миновал ворота крепости.

Да, гномы взяли высокую цену, но потрудились они не зря. Старая стена, перегораживавшая устье ущелья, прибавила в высоте самое меньшее три сажени. Появились крытые парапеты, боевые балконы с навесными бойни-

цами, выдающиеся вперёд острые каменные клинья, назначенные рассекать толпу атакующих.

Обновились, поднялись и стены замка. Долинный ручей, тот самый, куда урук-хаи Сарумана когда-то забросили колдовской огонь, разнёсший половину укреплений, гномы отвели в каменную трубу, чтобы при осаде защитники всегда имели бы вдоволь свежей воды, и чтобы никакие дыры, даже забранные решётками, не вели бы по другую сторону стен.

А сейчас там, на зелёной траве Хелмского ущелья, толпились те, кто пришёл встретить ратников. Все вопили разом — кто-то надеялся увидеть в строю родное лицо, выкликая по имени мужа, брата или сына, кто-то просто орал «Наши!» или «Победа!»; визжали и голосили дети.

— Мастер Холбутла-а! — подпрыгивая, закричала девчонка со звонким именем Эовин — названная в честь знаменитой Эовин конечно же, девы-воительницы, сокрушившей вдвоём с далёким предком мастера Холбутлы самого Короля-Призрака на Пеленнорских полях.

Низенький командир лучников услышал серебряный голосок девушки, повернулся, улыбаясь. Когда-то был он, верно, румян, круглощёк, русоволос; однако теперь со щёк исчез румянец, уступив место коричневатому загару дальних походов, лицо обветрилось. Легли на лоб и левую скулу короткие белые росчерки шрамов, по счастью, неглубоких. Собрались морщинки в уголках глаз, пробивалась в курчавых волосах первая седина, пока ещё редкая и робкая. Взгляд сделался жёстким, пронзающим, а порой и неприятным, из него ушла изрядная доля свойственной невысокликам беззаботной весёлости.

— Привет, привет, спасибо за встречу! — крикнул он в ответ, помахав вдобавок рукой.

— Слышала?! Нет, ты слышала?! Он ответил! Мне ответил! А ты чего несла, мол, даже не посмотрит! — Эовин